

А37
еннадий
А й г И
к-34655

ШОКЛОН — ПЕНИЮ

СТО

вариаций

на

темы

народных

песен

Поволжья

поэтическая серия клуба «проект огня»

М О С К В А 2001

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

ЦДК и КД +

03 APR 2015
СБЕТ

ЦДК и КД

геннадий айги

поклон — пению

к КС(Чув)/ЛК
А37

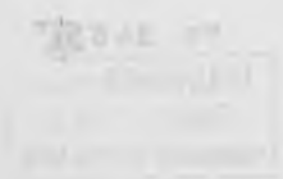
ГЕННАДИЙ АЙГИ

ПОКЛОН — ПЕНИЮ

Сто вариаций
на темы народных песен Поволжья

поэтическая серия клуба «проект оги»

pdf

Вар 165

к 84.09 (е кыз) 6-52

РК-34Б55

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Айги Г.

Поклон — пению. Сто вариаций на темы народных песен Поволжья. — М.: ОГИ, 2001.— 56 с.

ISBN 5-94282-011-2

© Г. Айги, 2001

© Клуб «Проект ОГИ». Серия, 2000

© ОГИ, оформление, 2001

Посвящается
дочери моей Веронике

часть первая

**Тридцать шесть вариаций
на темы чувашских и татарских
народных песен**

1988–1991

... закончив, они смотрели на меня,
охваченные своей песней.

Н. Гарин-Михайловский

I

Золотая проволока — фигура твоя,
о, из алого мельканья
лицо,
выше — шелковый воздух.

II

Был конь у меня, —
хоть растянись ты на нем и поспи!
На крупе могла, не расплескиваясь,
держаться вода.

III

Мама в гости меня отпустила,
чтоб я покачивалась,
словно жертвенный котел над огнем,
в пеньи — пред вами.

IV

В доме у бабушки
медным огнем освещает лучина,
все равно занимаюсь: золотом горит рукоделье!
Не надо чужого огня серебряного.

V

А тень ее там, все за той же оградой,
завтра пойдешь — не застанешь,
тогда-то в тебя
войдет навсегда ее облик.

VI

Стан мой — фигура татарская!
Видимо, слишком разошлась среди вас, —
в пляске очертанья она растеряла
фигуры татарской.

VII

Поплакала ты и притихла,
и теперь одиноко белеешь в сенях,
как шелковая нитка
в ушке игольном.

VIII

Вышивки — в танце — на вас!
То ли кланяются васильки,
то ли
щебечут ласточки.

IX

Остановитесь у ворот полевых,
приподыму я колпак мой,
пусть мои кудри еще поблестят вам
в поле родном.

X

Стан мой легкий, глаза мои черные
в этом огне хоровода родного
горят, быть может,
в последний раз.

XI

Нe уменьшить мне боль,
полдуши в этом поле оставив!
Молчу я, и лишь за холмом, как ребенок,
громко плачет куница.

XII

Прибыли мы за невестою
с сердцем белым,
сделаем свадьбу
белее снега.

XIII

Если запустить мое пенье
ладом скользящим,
лучшая песенка выкатится
клубком золотым.

XIV

Кружась все быстрее,
родные остаются луга,
значит, в деревне уже не вмещается
отныне мой тоненький стан.

XV

Что ж в ожидании нас
белым полотном не застлали ваш двор?
И монету серебряную не прикрепили
ко лбу вашего дома.

XVI

Танцуя,
в бусы превратим кирпичи этой печи,
серебряные в ней загорятся
дрова.

XVII

Задрожали
верхушки берез,
как белая луна, появляется
невеста в воротах.

XVIII

Есть — песенка среди трав на лугу,
пойти ли к ней и запеть ли,
иль принести вам сюда
и спеть — на прощанье?

XIX

Вот, уже исчезают
в поле, среди ковылей.
Уже не слышно бубенчиков.
Мы как птицы стоим.

XX

Все настойчивей зов одинокий
иволги — за околицей,
подружки невесты задвигались,
как овсяные снопы золотые.

XXI

Голос мой тонкий, как голос кукушки,
ветром потом отнесет
долго звенеть
рядом с оставленным домом.

РК-34656

17

НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА

XXII

Ах, и золотистые мы, и алые!
Проехав при свете листа кленового,
въезжаем
при свете пшеничной стерни.

XXIII

Отправилась милая в путь, и черная ласточка
навстречу ночи
мчится — по крыльям лия
ручьи дождевые.

XXIV

А богата была — девятью походками:
чередовались — играли!
Потом
жизнь оставила — только одну.

XXV

По этому полю проедем
от края до края,
каждый лепесток каждой ромашки
приподымая.

XXVI

Встречая меня,
отец мой раскатывается, как шелковый тюк,
скатывается обратно,
меня проводив.

XXVII

Никто, ничего, ни о чем,
так и проходит мой век,
вода течет, — никто не спрашивает:
«Как ты течешь?»

XXVIII

Мама, на подоле твоём
все следы — от подпрыгиваний
детских ножек моих!
Дай, лицом прикоснусь.

XXIX

Точно конопляное поле отцовское,
ровны лесные вершины,
плывет моя песня над ними,
будто поет это — лес.

XXX

В поле — зеленого жаль,
жаль — золотого над полем!
Брат мой, стареем,
седеем, как синие бусы.

XXXI

Принесли мы изящество ног,
чтобы
в памяти вашей оставить!
Разрешите нам пляску последнюю.

XXXII

Давно уж не видно деревни,
а окна отцовского дома
трещинами в рамах свистят,
призывая — вернуться.

XXXIII

Мама, начнешь подметать ты горницу,
может быть, вспомнишь меня,
споткнешься
и перед дверью заплачешь.

XXXIV

Горит свеча,
не видима глазу красной лисы,
прощайте, — очертанья души моей юной
пробудут средь вас.

XXXV

Хватит, покружились мы здесь,
как звонкие монеты серебряные,
поклонимся, — согнемся пред вами,
как белые деньги бумажные.

XXXVI

И там, где стояли мы,
пусть останется
свечение — нашего
благословения.

часть вторая

**Тридцать шесть вариаций
на темы чувашских и марийских
народных песен**

1998–1999

Я пришел в себя и в ответ на их поклон,
проникнутый и сам приветом, уважением
и признательностью, поклонился им.

Н. Гарин-Михайловский

I

Вы с нами уже попрощались
и пением, и молчанием грустным!
Но пока что — мы все и полностью
в ваших глазах.

II

Соломинка на дороге, соломинка,
краса — Земли!
Но сдует ветер, и шуткой
кончится эта краса.

III

И вновь, призывая
в поле — для нового гула труда,
в небе резвятся
белые кони грозы.

IV

Дошел ли, внезапно, шепот беды,
тронул ли кто-то, утешая, рукой?
Нет, это просто — ветер откинул
левую полу моего армяка.

V

И цветущая черемуха
издали
одинокو белеет
будто продвигаясь — сквозь лес.

VI

Только что спели Песнь о Сохе,
и уже на конях
сидим, наблюдая за жаворонком
в небе весеннем.

VII

Осиротевший, брожу я один,
лежит на лугу олененок,
белый от него подымается пар,
душно весь день от тоски.

VIII

Алея, приближается Время Хороводов,
веянье этого — в лесах и лугах;
у входа в деревню, за речкой,
цветы арбуза — как свежие снега.

IX

Крона черемухи —
словно встревоженная ласточек стая:
буря! —
бьются они, не взлетая.

X

Белый — на лугу — расцветает цветок,
— и ты — в рост, и растение — в цвет, —
луга — торжество, луга — исполненность,
ай-ийя-юр.

XI

Лишь в сновиденъи войду
в этот наш двор,
тише, любимый мой пес,
рыжий ты мой соловей.

XII

Алый — в саду — расцветает цветок,
— и ты — в рост, и растение — в цвет, —
сада — торжество, сада — исполненность,
ай-ийя-юр.

XIII

Шорох березы — как шепот «прощай»,
а над нею
стриж одинокий —
как падающие ножницы.

XIV

Тянутся стада к водопою,
скоро начнется хоровод за селом, —
вся деревня белым-бела
от девичьих нарядов.

XV

Сколько братьев и сверстников — столько красы,
все больше и бездн — их отсутствия!
Голову мою отпускаю на волю —
пусть ищет, чем успокоиться.

XVI

Мы песнею
отцовский заполнили дом, —
побудьте вы молча, пока удаляемся
в поле ночном.

XVII

При пении косарей
вдруг затихаю я с думой
о том, что хорош для наклона в косьбе
юный мой стан.

XVIII

Вместо серпа, для меня предназначенного,
выкуйте ручку для двери, -
радуйтесь, ее открывая,
закрывая, задумайтесь.

XIX

Все — в белом,
в поле жнецы разбрелись,
как разбросанные серебряные кольца
в золоте ржи.

XX

А после — останется
во снах, да в чужих краях,
платок, поблескивающий
за три версты.

XXI

Чтобы кукушка шалила, я не слышал, —
чтобы, заикаясь, она хохотала!
Видимо, у Бога кончаются
все умные Его времена.

XXII

И заполняется поле
все более цветеньем гречихи,
с утра дополняемым
пением нашим.

XXIII

И черные воды
текут, вьясь,
прореживая перья в крыле
одинокого гуся.

XXIV

Начинается пляска,
и свечи зажгите такие,
чтоб озарилась
вся — подруги моей — красота.

XXV

Поля, почерневшие от наших рук,
от них же теперь золотятся,
словно в песне, одной и той же,
загорается по-разному — радость.

XXVI

Мы — такие цветы луговые!
Если наших головок
девичьи не коснутся подолы,
не откроемся, не распустимся.

XXVII

Давно тебя нет, но черты-очертанья твои
мелькают, разрозненные, в полях и лесах —
на лицах, на спинах, плечах
правнуков и внуков твоих.

XXVIII

Мы играем в бусы, а сорока
мимо дома, мимо дома Алэндэя
чертит-чертит крылышком зеленым,
бусы белые бросает Пинерби.

XXIX

Потом, появившись во сне,
как на мосточек, ты ступишь
на тот же вечерний, на той же тропинке,
гаснущий свет.

XXX

Юность — как дуг! И, побывшие там,
одно мы запомнили:
игры девушек — это крапива,
игры парней — чертополох.

XXXI

Будто что-то случилось с жизнью моей!
Ударившись о лесную ограду,
солнце тяжело восходит
из-за редких дубов.

XXXII

А леса начало
в инее таком небывалом:
страшусь и подумать,
как же я в это войду.

XXXIII

Мерцающая приближается Праздник Саней
и среди нас опускается,
соро растаять ему
вместе со снегом последним.

XXXIV

Вяжу тебе так давно рукавицы,
что лопнули мозоли на пальцах,
и глаза испортились, всматриваясь вдаль
в ожиданьи тебя.

XXXV

Долог, как горе, мой путь,
и снега почерневшие
давно уж съедают лодыжки
коня моего.

XXXVI

И облако плывет, круглясь,
будто шапка на моей голове,
и век мой проходит, как в сновидении,
без сна увиденном.

часть третья

**Двадцать восемь вариаций
на темы чувашских и удмуртских
народных песен**

1999–2000

И, заколдованный песней, я видел
теперь то, что скрыто от смертных.

Н. Гарин-Михайловский

I

Давайте встанем в ряд,
подобно ладной ограде,
приосанимся, подобно луне
в пору полнолуния.

II

Скоро удаляться нам в поле,
скоро и оттуда исчезнуть! –
Соседи и родные, шумя и покачиваясь,
поют, как Елабужский лес.

III

Увидел огонек — подошел я к окну,
позвал, но ты голову не подняла,
только шелковая пряжа рассыпалась
будто шепотом грустным.

IV

Прямо в сиянье мороза
пою я — как другу в лицо,
и от голоса уже индевет
шубы моей воротник.

V

Исквозь звезду
виднеется дорога,
по которой уйдем,
чтоб не вернуться.

VI

Когда со двора выходила,
с отцом разлучаясь,
лучше бы шелковой ниткой я стала,
чтоб, зацепившись, остаться.

VII

А сквозь луну
видится поле,
на котором мы
останемся, павшие.

VIII

Брат мой, из детства моего,
ушел, как из сказки грустной,
мне снится его старая мельница:
шесть крыльев — как шесть огней.

IX

И, наконец, опустилась
я на колени среди поля,
не оттого, что устала,
а потому, что горела душа.

X

В доме от пения то светло, то темно,
будто, от дыхания нашего,
держатся над нами
поляны тепла.

XI

А конь вороной ушел,
потому что забыли закрыть ворота,
а с поля, внезапно притихшего,
во двор как будто вошла беда.

XII

И вдруг просыпаюсь,
словно — услышав тебя!
Солнце восходит,
вкруг яблони светом вьясь.

XIII

Братья уже входят в село
с Песнею в честь Возвращения,
и ветер шумит в горах,
заставляя шалить оленят.

XIV

Коснулись ли руки чужие? — трону слегка:
змеей изогнется (значит — притрагивались),
защечечет, как ласточка
(значит — не тронули).

XV

Конь мой понесся быстрее,
ждет, очевидно, меня мой сват,
заранее отворяя ворота, -
деревянный свой семафор.

XVI

Грустно, — и погода дождит,
истрепывая старую одежду мою,
и горящее сердце изношено
плачущею постоянно душой.

XVII

Вы настолько покинули
нашу память о вас,
что не возвращаетесь
даже и в наши сны.

XVIII

Пою я, и будто сквозь слезы
что-то мелькает в гореньи заката, -
это по давнему полю идем
мы с конем вдвоем.

XIX

А за туманом
у дуба зеленого
нет и посильнее ветки,
чтоб пошуметь.

XX

Неживыми на чужбине останутся
эти руки и эта голова, —
дым паровоза бьет нам в лицо,
чтобы памяти лишить напоследок.

XXI

И внезапно — покой, как будто
я, для этого, в мире один,
и вьюга во дворе, вьюга в огороде,
вьюга в полях.

XXII

И день притих, будто умерло
что-то важное в нем,
и спит лиса у подножья горы,
укрывшись красным хвостом.

XXIII

Меж Казанской землей и Чувашской
видели вы столб межевой?
Это не столб, это я там стою, — от несчастья
одревенелая.

XXIV

И очень ярко,
как в русской песне,
ветками перебирает
береза по имени Александр.

XXV

Смотрю на воду — она спокойна,
и думаю тихую мысль:
можно пережить еще что-то хорошее,
ведь может быть доброй и смерть.

XXVI

Вдруг все вернулись, все вместе,
но пугающими становятся крики и шум,
и с усилием останавливаю сон,
как в степи останавливают обоз.

XXVII

И не падают ли пояса с наших талий,
не прошла ли жизнь? —
Спрашиваю так, как кукушка кукует,
как бьют часы.

XXVIII

Снова — страда, и певцы и птицы
задумываются и умолкают,
кто-то — на время,
кто-то — быть может — уже навсегда.

СОДЕРЖАНИЕ

часть первая	7
Тридцать шесть вариаций на темы чувашских и татарских народных песен 1988–1991	
часть вторая	23
Тридцать шесть вариаций на темы чувашских и марийских народных песен 1998–1999	
часть третья	39
Двадцать восемь вариаций на темы чувашских и удмуртских народных песен 1999–2000	

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

проект о·г·и·
книжный центр·галерея·клуб

ВЫШЛИ КНИГИ

Ю. ГУГОЛЕВ

«*Полное. собрание сочинений*»

*

Т. КИБИРОВ

«*Улица Островитянова*»

*

Г. ДАШЕВСКИЙ

«*Генрих и Семен*»

*

Б. КЕНЖЕЕВ

«*Снящаяся под утро*»

*

М. АЙЗЕНБЕРГ

«*За Красными воротами*»

*

Т. КИБИРОВ

«*Юбилей лирического героя*»

*

В ПОЭТИЧЕСКОЙ СЕРИИ

проект о.г.и.

книжный центр·галерея·клуб

ВЫШЛИ КНИГИ

Е. САБУРОВ

«По краю озера»

*

Г. АЙГИ

«Поклон — пению»

*

Е. ХАРИТОНОВ

«Запретное лекарство»

*

Д. ВОДЕННИКОВ

«Как надо жить — чтоб быть
любимым»

*

Редакторы серии

Д. Борисов, Н. Охотин

Дизайн и верстка

О-Г-И

Корректор

И. Л. Кабанова

Объединенное гуманитарное издательство

Москва, Средний Кисловский пер., 3, стр. 3

тел./факс: (095) 229-55-48

e-mail: perm@ogi.ru

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Клуб «ПРОЕКТ ОГИ»

Москва, Потаповский пер., 8/12, стр. 2

тел./факс: (095) 927-57-76

Формат 60×84 1/16

Бумага офсетная № 1

Печать офсетная

Гарнитура OfficinaSerif

Усл. печ. л. 3,5

Подписано в печать 15.01.2001

Отпечатано с оригинал-макета

Заказ № 1/16

XXVI

Вдруг все вернулись, все вместе,

но пугающими становятся крики и шум,

и с усилием останавливаю сон,

как в степи останавливают обоз.

Из «Двадцати восьми вариаций
на темы чувашских и удмуртских
народных песен»